

сочетании с личностью». Наиболее полное значение обобщенного синтаксического лица представлено в обобщенно-личных предикативных единицах. Сущность предложений с обобщенным лицом выражается не только в их семантической стороне, в которой смысловая акцентация на процессе обуславливает частичное устранение лица-деятеля, но и в их конструктивном оформлении. Употребляясь в речи, подобные предложения выражают разнообразные модальные оттенки и значения и выявляют большое количество промежуточных, переходных явлений между различными типами личных и безличных предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1991. – С. 8.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – С. 375.
3. Теория функциональной грамматики. – С. 10.
4. Современный русский язык / Под ред. С.М. Колесниковой. – М., 2008. – С. 427.
5. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М., 2004. – С. 140.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – С. 378.

7. Там же. – С. 380.
8. Лекант П.А. Указ. раб. – С. 141 – 142.
9. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004.
10. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. – Мичуринск, 1963. – С. 31.
11. Теория функциональной грамматики. – С. 41.
12. Там же. – С. 10.
13. Бабайцева В.В. Указ. раб. – С. 32.
14. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Указ. раб. – С. 119.

V. Lavrentjev
MEANING OF GENERALIZATION OF
PERSON

Abstract: The article examines ways of expression of the generalized person in double-component and single-component constructions; structural-semantic features of generalized personal sentences and their groups by gradation degree are allocated; modal inflections of generalization meaning are defined.

Key words: person, semantic, generalization, sentences.

УДК 811.161.1'367.332.1

Логинов А.В.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ*

Аннотация: В статье рассматривается синтаксическая организация ФСК интеррогативности: ядерная и периферийная структуры поля, компоненты их организации, определяется связь с другими функционально-семантическими категориями языка.

Ключевые слова: поле, функционально-семантическая категория интеррогативности, ядро, периферия.

Введенный Г. Ипсеном в середине 20-х годов XX века в лингвистический обиход термин «поле» наибольшую популярность

приобрел в последней трети прошлого столетия. В первую очередь это связано с тем, что полевое представление о языке характеризует его как систему, состоящую из взаимодействующих друг с другом подсистем. Язык, в этом случае, предстает как функциональное явление, в котором «происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними» [1]. В современном языкознании под полевой организацией понимают объединения разноуровневых элементов системы языка, имеющих общую семантическую функцию, и означающую не группировку, а принцип организации группировки.

* © Логинов А.В.

Понимая под функционально-семантическим полем (ФСП) билатеральное единство, А.В. Бондарко отмечает, что «план содержания ФСП детерминируется соответствующей семантической категорией и ее компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере. Речь идет о системе, имеющей семантическое основание» [2].

Однако, чтобы признать за тем или иным явлением полевою организацию, необходимо, кроме вышеназванных признаков, учитывать и некоторые другие, например, такие, как выделение ядерных и периферийных компонентов, распределение между ними выполняемых полем функций, размытость границ как между ядром и периферией, так и отдельными зонами периферии, взаимодействие исследуемого поля с другими ФСП.

Существует мнение, что в основе организации функционально-семантической категории лежит морфологическая категория, которая является центрообразующим элементом функционально-семантического поля. Эта точка зрения, на наш взгляд, ориентирована лишь на некоторые функционально-семантические категории. Действительно, ФСП должно иметь грамматическое ядро, однако этим ядром может быть не только морфологическая категория, но и различные синтаксические организации – синтаксические поля – «группировка синтаксических моделей на основании близости выражаемых ими синтаксических значений, которые представляют собой обобщенное отражение отношений объективной реальности. Возможность объединения структурных моделей в синтаксические поля обусловлена наличием между ними связей, в которых отражаются связи между соответствующими отношениями объективной реальности» [3].

Синтаксические категории представляют собой структуры, основывающиеся на противопоставлении форм и значений (однородных значений), к которым относятся и оппозиции повествовательных и вопросительных конструкций. Поэтому вполне оправдано отнесение к синтаксическим категориям таких грамматически коррелирующих рядов, которые опираются в плане

формы не столько на показатели морфологического характера, сколько на различные типы синтаксических конструкций.

К числу подобных следует отнести и категорию интеррогативности (КИ), которая не может быть соотнесена с одноименной или каким-то образом сходной морфологической категорией в силу простого отсутствия последней. Однако КИ это функционально-семантическая категория, т.к. строится по принципу многоуровневой организации компонентов, имеющих семантическую общность и выполняющих в языке единую функцию.

Категория интеррогативности (КИ) является частью общей антропоцентрической установки языка, закономерной ориентации языковых значений, лексических и грамматических, на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как человек и его деятельность, и находит на всех уровнях языковой системы (начиная фонетическим и заканчивая синтаксическим) свое явное выражение. В свете этого нам представляется возможным охарактеризовать структурную организацию КИ как полевою.

Поле интеррогативности – это семантико-структурный тип грамматических единств, т.е. такой тип, в котором структура плана содержания соотносится со структурой плана выражения. Сюда относятся «системные объекты, существенно отличающиеся друг от друга как с семантической, так и со структурной точек зрения» [4]. При всем различии они базируются на определенном инварианте грамматического значения и определенном типе структуры, которая определяется противопоставленными друг другу рядами грамматических форм. «Когда же мы говорим о соотношении инварианта и вариантов, то нас интересует не только отношение «целое – часть» (если оно существует, что бывает далеко не всегда), но и отношение глубинной сущности, которая остается неизменной при всех ее преобразованиях в различных условиях взаимодействия системы и среды, в различных условиях речи» [5].

Для интеррогативности подобное замечание подходит в полной мере. Глубинная сущность инварианта категории интеррогативности заключается в том, что при всем различии речевых ситуаций, где возможно употребление вопросительной

конструкции или конструкции, соответствующей по значению интеррогативной, неизменным остается значение «запрос информации». Этот инвариант усматривается и в риторических вопросах, и в других типах трансформированных предложений.

КИ и организующее ее поле средств и значений имеет четкое семантическое содержание: выражение запроса о неизвестном явлении с целью получить на него ответ. В этом случае можно с уверенностью говорить о семантической интеррогативности, которая присутствует не только в семантике вопросительного предложения, но и в семантике его компонентов, в первую очередь лексем. Как показывают наши наблюдения, поле интеррогативности представлено, как минимум, двумя уровнями: лексическим и синтаксическим, каждый из которых имеет свое собственное ядро и периферию.

Статус ядра определяется несколькими признаками:

1) Максимальной концентрацией в системе форм тех базисных дейктических признаков, которые определяют качественную специфику категории и соответствующего поля.

2) Наибольшей специализированностью этих форм для выражения обобщенных отношений.

3) Структурной концентрацией семантических оппозиций в системе форм.

4) Регулярностью функционирования этих форм.

Использование языковых знаков для выражения интеррогативности не может ограничиваться только их стабильным семантическим потенциалом, но реализуется также за счет конкретных обстоятельств коммуникации: статуса говорящего, особенностей его замысла, фактора адресата, характера ситуации и т.д. Из этого следует, что КИ характеризуется сложной синтезированной природой – она представлена коммуникативно-прагматическим объединением языковых и речевых знаков, которые используются адресантом для реализации интеррогативного акта.

При описании синтаксической организации ФСП интеррогативности мы исходим из того, что вопросительное предложение обладает самым широким спектром функциональных характеристик – от собственно запроса информации до выражения приказа, мольбы, констатации,

возражения, эмоциональной реакции, иронического замечания и т.д. Способность вопросительного предложения к реализации вторичных функций возможна тогда, когда в процессе коммуникативного акта первичная функция по ряду объективных или субъективных причин отступает на второй план, затушевывается и служит лишь фоном для реализации неинтеррогативных интенций.

Тем не менее вопросительное предложение характеризуется, прежде всего, своей собственной интеррогативной семантикой, которая стоит в оппозиции семантике побуждения, просьбы, волеизъявления, бытийности и т.д. Это то, что отличает один тип языковой конструкции от другой на семантическом уровне, который реализует свое грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств. Инвариантное значение интеррогатива «выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам типа «Интересно, что случилось?»» [6].

Всю систему предложений, построенных по образцу интеррогативной конструкции, можно разделить на две группы: предложения, формирующие ядро, и предложения, формирующие периферию интеррогативной синтаксической организации.

К ядерным компонентам относятся собственно интеррогативные предложения, реализующие первичную функцию – функцию запроса, то есть такие, в которых форма и значение совпадают (соблюдающие принцип изоморфизма). Их структурная организация представлена разнообразными типами простых и сложных предложений.

Наиболее частотна и общеупотребительна в функции запроса интеррогативная конструкция, построенная по модели простого двусоставного предложения с явно выраженным объектом и предикатом речи-мысли:

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут?.. Чем живут?! Ну – государево жалование тоже получают (Сухово-Кобылин. Дело).

Как правило, в художественной литературе при имитации живой разговорной

речи используются неполные конструкции, состоящие из одного компонента, но самого важного в конкретной коммуникативной ситуации – ситуации запроса:

Нароков. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелеевна. Ты-то?

Нароков. Я-то!

Домна Пантелеевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелеевна. Нет, зачем? (А.Н. Островский. Таланты и поклонники).

Другой распространенный в языке тип синтаксической интеррогативной конструкции – сложноподчиненное предложение со значением прямого вопроса, которые «бывают разными по значению, так как могут включать любое придаточное» [7].

Самыми типичными в этом перечне признаются СПП с вопросительными придаточными условия. При этом обязательным условием является наличие собеседника – непосредственного адресата. В семантике предложения присутствует коннотативное значение удивления речевому поведению адресата:

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю (А.Н. Островский. Гроза).

Сложносочиненные предложения с соединительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует соединительный союз):

Сначала мне было жалко ее, потом я подумал: «Не надо ли утешать ее, и как это надо сделать?» – и наконец мне стало досадно за то, что она ставила меня в такое неловкое положение (Л.Н. Толстой. Юность).

Сложносочиненные предложения с противительными союзами:

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник, но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? (А.Н. Островский.

Лес).

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами (многочленные конструкции, в составе которых присутствует разделительный союз):

Часто теперь я спрашиваю себя: когда я был лучше и правее – тогда ли, когда верил во всемогущество ума человеческого, или теперь, когда, потеряв силу развития, сомневаюсь в силе и значении ума человеческого? – и не могу себе дать положительного ответа (Л.Н. Толстой. Юность).

Бессоюзные сложные предложения с вопросительной частью:

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите?

Атуева. Но а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать (Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского).

Односоставные предложения

1. Глагольные

1) Инфинитивные вопросительные предложения выражают вопрос, требующий не воспроизведения известной информации, а поиска решения, выбора наиболее целесообразного варианта из всех возможных, что связано с ориентацией вопросительного инфинитивного предложения на перспективу, а также с модальным значением целесообразности, которое подразумевает некатегоричность.

Употребление вопроса в инфинитивной конструкции, по сравнению с другими типами, «характеризуется исключительно отнесенностью к сфере человеческой деятельности, с чем связано своеобразие лексического состава инфинитивов и обязательное наличие или возможность восстановления субъекта действия» [8].

В роли главного члена таких предложений выступают лексемы, обозначающие различные сферы человеческой жизнедеятельности. Например:

– Вы печатаете свои произведения в журналах? – спросил у Веры Иосифовны Старцев.

– Нет, отвечала она, – я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? – пояснила она. – Ведь мы имеем средства (А.П. Чехов. Ионыч).

– Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку. Бабы нюхают и чихают (А.П. Че-

хов. Ванька).

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений (Л.Н. Толстой. Детство).

Некоторые вопросительные инфинитивные предложения приобрели статус фразеологизированных и фиксировано употребляются в определенных ситуациях речи: *Что делать? Как быть? Как бы это выразиться?*

2) Безличные:

Он (Семенов. – А.Л.) говорил неохотно и спокойно, как всегда:

– *Здравствуй, Зухин. Спасибо, что зашел. А, господа, садитесь. Ты пусти, Кудряшка, – обратился он к рекруту, с которым ужинал и разговаривал, – с тобой после договорим. Садитесь же. Что? Удиви-ло тебя, Зухин? А?* (Л.Н. Толстой. Юность).

3) Определенно-личные:

– *Жуешь?* – спрашивал Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. – *Ну, жуй, жуй...* (А.П. Чехов. Тоска).

4) Обобщенно-личные:

– *Ну что, у вас все постреливают?* – спросил Мартынов. *Иван Ильич не ответил, пожал плечами* (А. Толстой. Хождение по мукам).

5) Неопределенно-личные:

– *Вы имеете понятия о страданиях? Позвольте: вас в детстве секли?*

– *Нет, мои родители питали отвращение к телесным наказаниям* (А.П. Чехов. Палата № 6).

2. Именные

1) Номинативные:

Иван Дмитриевич засмеялся и сел.

– *Положим, покой и довольство человека не вне его, а в нем самом, – сказал он. – Положим, нужно презирать страдания и ничему не удивляться. Но вы-то на каком основании проповедуете это? Вы мудрец? Философ?*

– *Нет, я не философ, но проповедовать это должен каждый, потому что это разумно* (А.П. Чехов. Палата № 6).

– *Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч?* – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления (А.П. Чехов. Хамелеон).

Генитивные:

– *Есть у тебя платок?* – спросил

папа. Я вынул из кармана и показал ему.

– *Ну, так возьми на платок эту серую собаку...*

– *Жигана?* – сказал я с видом знатка.

– *Да, и беги по дороге...* (Л.Н. Толстой. Детство).

Периферия ФСП интеррогативности неоднородна. Ближняя периферия представлена синтаксическими конструкциями с нарушением принципа изоморфизма в плане выражения (форме): побудительными предложениями (приказ или просьба совершить речевое действие): *Скажите мне, кто ваш друг, и я скажу, кто вы*, повествовательными предложениями, констатирующими волю говорящего получить ту или иную информацию: *Я хочу знать, кто вы.*

Особый случай составляют собственно вопросительные предложения, употребленные во внутренней речи. В подобной ситуации они направлены не столько на узнавание нового, сколько представляют собой попытку организовать и упорядочить речемыслительную деятельность, причем адресатом и адресантом будет одно и то же лицо:

«Но не слишком ли я холодна с ним? – думала княжна Марья. – Я стараюсь сдерживать себя, потому что в глубине души чувствую себя к нему уже слишком близко; но ведь он не знает всего того, что я о нем думаю, и может вообразить, что он мне неприятен» (Л.Н. Толстой. Война и мир).

Нам представляется возможным, учитывая прагматику подобного положения дел, отнести такие конструкции к ближней периферии.

Специфическая природа КИ и образующей ее полевой системы языковых средств и значений выражается в многочисленных взаимодействиях с другими системными интеграциями (побуждение, волеизъявление, оценка, эмотивность), включающиеся под определенным углом зрения в сферу интеррогативности или обнаруживающие с ней зоны частичного наложения, пересечения.

Л.В. Цурикова считает, что «доля «невопросительных» употреблений вопросительных предложений составляет более 50%» [9]. Для поля интеррогативности эти отношения существенны, т.к. представляют определенную незамкнутость, открытость, возможность перетекания одной

категории в другую, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии различных категорий современного русского языка. Адресант, используя интеррогативные по форме конструкции для выражения неинтеррогативных значений, максимально эффективно воздействует на адресата, тем самым быстрее достигает желаемого результата. Интеррогативная конструкция, теряя свою первичную коммуникативную функцию и приобретая эмоциональную функцию, стимулирует повышенную умственную активность адресата и призывает его к реализации определенных действий или диалогу с самим собой.

Подобные предложения выражают семантику совета, просьбы, пожелания, внутреннего убеждения, то есть наблюдается нарушение принципа изоморфизма в плане содержания, и составляют дальнюю периферию ФСП интеррогативности. Прежде всего к ним следует отнести риторические вопросы: *Кто в силах удержать любовь?*, чья формальная сторона противоречит реальному смыслу, а также конструкции, в которых выражено побуждение к действию: *Вы не могли бы закрыть окно?* В этом случае имеет смысл говорить о нейтрализации семантики интеррогативности и актуализации других компонентов значения в зависимости от коммуникативной направленности высказывания, от объективных и субъективных условий речевого акта.

При определении отнесенности того или иного вопросительного предложения к ядру или периферии следует, на наш взгляд, руководствоваться несколькими составляющими: степенью выражения категориального значения, формой ее представления, прагматической установкой говорящего.

Таким образом, синтаксическая структура категории интеррогативности, организованной по принципу поля, подтверждается следующими фундаментальными признаками: имеет собственную синтаксическую единицу – вопросительное предложение – для выражения интеррогативной семантики; четкое противопоставление ядра и периферии, основанное на разграничении первичных и вторичных функций; инвариантным значением для всех компонентов ядра и ближней периферии является значение запроса; взаимодействие с другими ФСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полевые структуры в системе языка // Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж, 1985. – С. 7.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 290.
3. Феличева Н.И. Синтаксические поля: Пособие по грамматике немецкого языка. – М., 1977. – С. 15.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 305.
5. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002. – С. 161.
6. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХУ1. – М., 1985. – С. 261.
7. Валимова Г.В. Система вопросительных предложений // Синкретизм семантики синтаксических единиц. – Ростов-н/Д, 1988. – С. 24.
8. Печникова Н.А. Коммуникативные функции вопросительных инфинитивных предложений: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 1995. – С. 26.
9. Цурикова Л.В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения: Дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1992. – С. 15.

A. Loginov

SYNTACTIC ORGANIZATION OF THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC CATEGORY OF INTERROGATIVITY

Abstract: The article deals with a syntactic organization of the functional and semantic category of interrogativity, i. e. central and peripheral structure of the field, the components of its organization as well as connections with other functional and semantic categories.

Key words: field, functional and semantic category of interrogativity, nucleus, periphery.